

ОПЕРНЫЙ ПЕВЕЦ **СЕРГЕЙ ЛЕЙФЕРКУС:**

Известия - 2006 - 27 апр. - с. 8.

«Без борьбы нет победы»

Сергей Лейферкус — один из лучших баритонов мира — после двенадцатилетнего перерыва вышел на сцену родного Мариинского театра в партии Яго из вердиевского «Отелло». Так он отметил собственное 60-летие. Лейферкус уехал из России в середине девяностых и с тех пор широко востребован в Европе и Америке. У него уникально разнообразный репертуар и репутация на редкость надежного певца, в котором соединились тонкая интуиция, точный профессиональный расчет и строго дозированные эмоции. С Сергеем Лейферкусом встретилась **Мария Бабалова**.

ИЗВЕСТИЯ: Вам не обидно, что в момент вашего возвращения в родной театр за дирижерским пультом не стоял Валерий Гергиев?

СЕРГЕЙ ЛЕЙФЕРКУС: Конечно, жаль. Но так складывались обстоятельства, что Гергиев в этот день должен был дирижировать в Москве, на Пасхальном фестивале. Поэтому выбор был невелик — либо делать «Отелло» без него, либо опять откладывать все на неопределенное время. Решили момент не упускать. Последний раз я выступал в Мариинском театре в 1994 году. Естественно, за 12 лет он стал совершенно другим. Я не питал никаких иллюзий, понимая, что нельзя дважды войти в одну реку. Вообще, с каждым приездом замечая, как меняются и Петербург, и Москва. Я имею в виду не новые здания и качество дорог, а то, насколько меняются люди. Прежних простых взаимоотношений между людьми уже не существует.

ИЗВЕСТИЯ: А ваши отношения с Мариинкой теперь можно считать возобновленными или опять последует долгая пауза?

ЛЕЙФЕРКУС: Не знаю. Не хочу ничего загадывать. Планы есть. Мы говорили с Гергиевым о «Кольце...» Вагнера, еще о каких-то вещах. Но жизнь сделала меня суеверным человеком. Если я так же интенсивно, как сегодня, буду мотаться из города в город, с континента на континент, осуществление подобных планов маловероятно.

ИЗВЕСТИЯ: Почему же Москве и Петербургу так не везет?

ЛЕЙФЕРКУС: Я пою в сезон порядка шестидесяти спектаклей и пока не даю моим агентам повода жаловаться на мою трудоспособность. Конечно, я стараюсь делать все возможное, чтобы встречаться с российской публикой. Но российским театрам, впрочем, как и итальянским, не хватает долгосрочного планирования. Если честно, я не страдаю от того, что не пою в спектаклях Большого или Мариинского.

Как все музыканты, работающие на Западе, я расписан на несколько лет вперед. И чтобы выкроить время для масштабного проекта в Москве, я должен отменить уже давно подписанные контракты, что невозможно. К примеру, уже сегодня идет речь, что в 2009 году я приму участие в постановке

Metropolitan Opera — буду петь Альбериха в «Золоте Рейна».

ИЗВЕСТИЯ: Планируя свой нынешний сезон, вы каким-то образом учитывали, что он юбилейный?

ЛЕЙФЕРКУС: А что такое юбилей? Дата в паспорте, не более того. Я не любитель устраивать юбилеи, поэтому этот год для меня такой же, как и все остальные, — рабочий.

ИЗВЕСТИЯ: А какой возрастной период для голоса самый благоприятный?

ЛЕЙФЕРКУС: Все зависит от природных данных и здоровья. Певец должен быть очень здоровым человеком, так как нагрузке нужно выдерживать сумасшедшие. И нервная система должна быть крепкой.

Например, Мирелла Френи в свои семьдесят лет поет замечательно и выглядит просто великолепно. Хотя, конечно, голос стареет, так же как человеческое тело. И нужно придумать, чем себя занять после ухода со сцены. Надо уметь просто смотреть на жизнь, чтобы достойно ее пройти. Дивы оказываются не приспособлены к реальной жизни, и их финал бывает печальным или даже трагическим. Судьба Мариин Каллас — тому пример.

ИЗВЕСТИЯ: Не секрет, что театр чаще калечит людские судьбы, нежели создает великие биографии.

ЛЕЙФЕРКУС: Театр — это механизм естественного отбора. Если у человека изначально в характере нет бойцовских качеств, ему очень трудно. Я знаю многих талантливых певцов, которые просто складывали лапки. Без борьбы нет победы. Наше долгожительство в профессии зависит от нас самих — от нашего характера, уровня воспитания, жизненного опыта, коммуникабельности, а также от умения оставлять свои проблемы и плохое настроение за порогом театра.

Моя карьера выстраивалась очень медленно. Я шел трудным путем и сам себя скрупулезно создавал — как Микеланджело. Я никогда не хвастаюсь своими успехами. Лучше себя недооценить, нежели переоценить. Если я вхожу в первую десятку баритонов мира, то более чем счастлив этим обстоятельством. Мне этого достаточно, чтобы утолить собственное тщеславие. Сегодня жизнь приобрела настолько стремительный темп, что говорить

ФОТО: НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

о чем-либо лидерстве, на мой взгляд, неверно.

ИЗВЕСТИЯ: Сейчас, когда политическая составляющая в восприятии русских певцов на Западе во многом ушла в прошлое, работать стало труднее?

ЛЕЙФЕРКУС: С одной стороны, действительно, певцов больше, чем работы. И конкуренция в лучших театрах очень высокая. Но с другой — певцов экстра-класса не хватает. Так, если Владимир Галузин занят или болен, скорее всего «Отелло» или «Пиковая дама» не состоится. Несколько человек пытались заполнить эту нишу, но дело закончилось провалом. Хороший певец без работы не останется.

ИЗВЕСТИЯ: За 15 лет жизни в Оксфорде вы стали англичанином?

ЛЕЙФЕРКУС: Я выбрал Англию, поскольку она удобна для моей профессиональной жизни. Я очень прилично говорю по-английски и давно научился думать на английском. Это дает определенную фору в общении. Но дома мы принципиально говорим только по-русски. У нас типично русский дом. Все соседи знают наши привычки и довольно успешно их перенимают.

За последние годы нашествие русских кардинально изменило английскую жизнь. Теперь услышать на улицах Лондона смачный русский мат — не такая уж редкость. Это, конечно, угнетает. Но проникновение русского стиля ощущается во всем — в одежде, в еде. Русские стали любимыми покупателями в самых дорогих бутиках. Мы так долго жили в нищете и в изоляции, что сегодня хотим получить и свободу, и все самое лучшее в придачу. Русские открывают магазины, рестораны, устраивают благотворительные вечеринки. Меценатство в крови у наших людей. В России как воздух необходим закон о меценатстве. Тогда искусство и культуру ожидает такой же ренессанс, как это было во времена Третьякова и Дягилева.